

ЖИЗНЬ

ЗАСТОЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

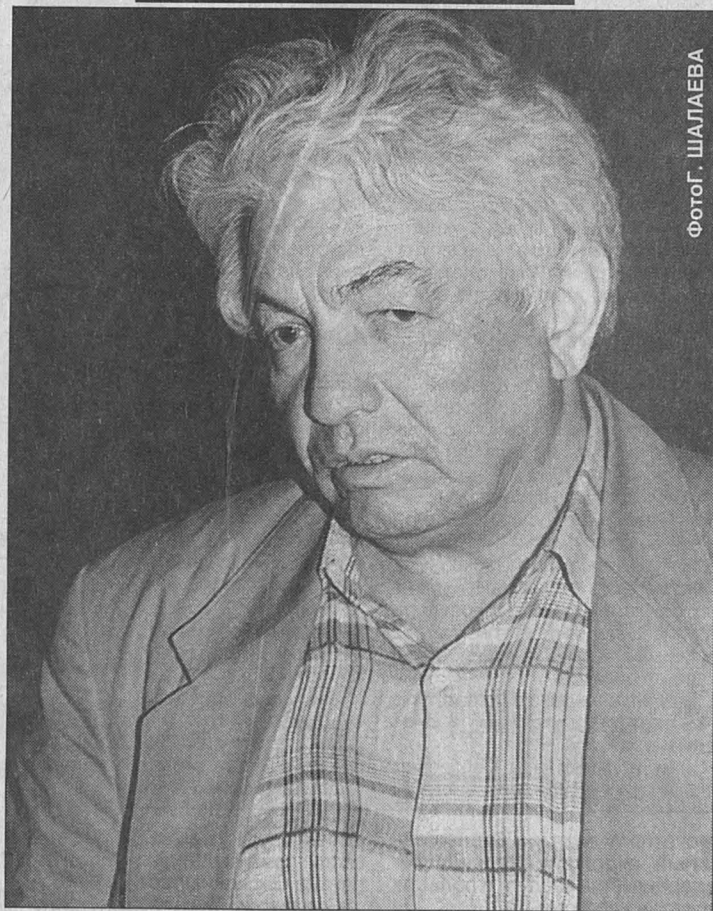

Фото Г. ШАЛАЕВА

ВЛАДИМИР ВОЙНОВИЧ:

Кудытура. — 1996 — 21 Дек. — 3 Домосед на чемоданах

Без преувеличения Владимира Войновича можно назвать человеком года. Не каждому литератору и не каждый год удастся предъяснить публике свое новое качество и стать "триумфатором". Его живописные работы были встречены весьма доброжелательно, а присуждение престижной и дорогой награды (более двадцати тысяч долларов) — премии "Триумф" — вызвало у соотечественников Чонкина настоящий восторг. В главного героя творчества В. Войновича, народного любимца Ивана Чонкина, вывела судьба самого автора, вместившая успешный дебют повестью "Хочу быть честным", вынужденное диссидентство и эмиграцию, теперь — жизнь на два дома.

— Если я не ошибаюсь, вы уезжали из Советского Союза в конце 1980 года?

— Накануне Нового года. Ранним утром 21 декабря, в день рождения товарища Сталина, я в окружении друзей и

иностраных корреспондентов находился в "Шереметьево". Власть пообещала мне беспрепятственный вывоз всех рукописей и архивов. Однако я не надеялся ни на какие договоренности с КГБ и отправил почти все бумаги другим путем. В одном из чемоданов лежала единственная рукопись — неопубликованная глава из книги "Степень доверия". Ее попытались изъять, но, как говорится, не на того напали. Я отказался подписывать бумагу о том, что рукопись конфискована. И, схватив два проверенных таможеней чемодана, направился отнюдь не к самолету, а в противоположную сторону. Кагэбешники застукали, возбужденные неожиданным поворотом в их сценарии — никто и не думал меня оставлять в СССР, — и начали давить на жену. Мол, мы же ему все равно рукопись не отдадим. Она говорит: отдадите. Они: вы нас не знаете. Она: это вы его не знаете. Короче, все-таки вернули. Но напоследок еще раз попробовали унизить. Меня завели в кабинку, и толстый чекист принялся меня обыскивать. Говорит: "Снимите сапоги". Поначалу я ре-

шил подчиниться, но у меня характер взрывчатый — мирные намерения быстро переходят в противоположные. Я зашвырнул сапог в угол, он поднял его и стал шарить в голенище. "Ну, спрашиваю, — что ты там нашел? Тебе не стыдно ползать по полу, смотри, у тебя лицо кровью налилось, того гляди инсульт хватит. Да я бы лучше застрелился, чем лезть в поисках чужих сапог". Он убежал, и я, было, подумал, что за подмогой. А время отлета, между прочим, давно прошло. Когда мы подошли к самолету, двигатели работали на полную катушку почти полчаса. Дверь за нами захлопнула, и самолет поднялся в воздух. Я и теперь улетаю в Мюнхен тем же 257-м рейсом.

— Фридриха Горенштейна провожал Марк Розовский. Кто провожал вашу семью?

— Сарновы, Корниловы, Б. Окуджава, Б. Ахмадулина и Б. Мессерер, О. Чухонцев. В Мюнхене встречали члены Базарской академии, которые приняли меня в свое сообщество в 1976-м, и Виктор Некрасов. Я не мистик, но когда я увидел всех этих людей, мне подумалось, что я сам уже на другом свете и вот теперь мы встретились. Сейчас только эмигранты 70–80-х годов знают, что отъезд из СССР означал по сути собственные похороны.

— Чем запомнилась первая встреча Нового года в эмиграции?

— На Западе Рождество — самый большой праздник. На главной площади в Мюнхене — Мариенплац — продают жареные орешки и глинтвейн (их запахи разносятся по всему

Мюнхене отмечают очень шумно. Жители стреляют из ракетниц, весь город в огнях, и эти фейерверки не сравнимы ни с каким праздничным салютом в Москве. Особенно в полночь можно ослепнуть и оглохнуть. В это время гибнет огромное количество птиц. Ночью с перепугу они поднимаются с мест и в полете натыкаются на провода и другие помехи.

— Вы встречаете праздник в семейном кругу?

— В молодости больше ходили по гостям. Теперь встречаем Новый год, как правило, в московской квартире.

— Вам нравится жить в Мюнхене и в Москве, так сказать, на два дома?

— Мне удобнее сидеть на одном месте, и, честно говоря, все равно, на каком. Но дело в том, что моя дочь Оля — немецкая писательница. Она выросла на Западе, пишет на немецком языке. Я ее не только не поташу сюда, она сама не поедет. Да и жена предпочитает жить в Мюнхене, где, между прочим, мы снимаем квартиру. Собственности у нас там нет. А в Москву меня зовут дела. Вот и приходится жить на два дома. Так что я по натуре домосед, но все время сижу на чемоданах. Все время куда-то несусь.

— Как складывается ваша карьера в Германии?

— Книги переводные там выходят реже, чем в России. При этом они могут переиздаваться, но никакие изменения издательства в однажды выбранный макет и содержание не вносит. За рубежом опубликовано почти все, что и на Родине, кроме "Замысла". "Замысел" в переводах пока не выходил. Для западного читателя мемуарную книгу следует более насытить. В России "Замысел" отдельным изданием вышел в 1995-м. В 1996-м — "Сказки для взрослых", куда я включил роман "Москва 2042" и сказки, созданные для радиостанции "Свобода". Не скрою, интерес к моей персоне в России значительно выше, чем в Германии. В Москве часто поступают предложения и от театра, и от телевидения. Несмотря на двойное гражданство — немецкое и российское, — политика Германии меня почти не волнует. Мне все равно, кто станет канцлером Германии — Колль или кто-то другой. В моей жизни это ничего не изменит. А события в России меня касаются прямо. Я переживаю, много думаю. Наверное, поэтому в Германии мне легче, спокойнее работает.

— 7 января на торжественной церемонии вам вручили премию "Триумф". Что вас еще ожидает в наступившем году?

— В 1996 году я выступал с лекциями в Америке, готовил выставку своих картин в России в галерее "АСТИ" и очень мало занимался литературой. Теперь я испытываю своего рода зуд, хочу продолжить "Замысел" и надеюсь, ничто не отвлечет меня от писательства.

— Следующие новогодние посиделки проходили веселее?

— Да, полегче. Новый год в

Беседу вела
Наталья СЕЛИВАНОВА